

заны с Русью. Тома индексов имеют важнейшее самостоятельное значение, ибо списки упоминаемых профессий, должностей, сфер деятельности, а также географических названий городов, сел, областей в сумме дают интереснейший статистический частотный материал.

Все это определяет несомненную ценность издания в качестве *instrumentum studiorum*. Однако не только в качестве справочного пособия выделяется рецензируемая серия. На базе обобщенных данных возможно уже сейчас сделать определенные выводы демографо-социологического порядка. Это касается, например, проблемы удельного веса иноземцев в поздневизантийской государственной элите. Так, оказывается возможным проследить, какие иноземные фамилии, известные в македонско-комниновской Византии (а не просто отдельные личности и не наемники типа Харальда Хардрада) сохранились и при Палеологах и в какой позиции. Важность подобной постановки вопроса обусловлена рядом факторов. Во-первых, многочисленными этническими переменами в результате IV Крестового похода, балканских войн (Калоян), сербского возвышения на субконтиненте (Стефан Душан), "итальянизацией" экономической жизни Средиземноморья со всеми вытекающими отсюда последствиями и для Византии. Во-вторых, особенностями развития самой византийской элиты, знавшего то периоды открытые для проникновения иноземцев, то периоды для них закрытые; за это время возникают патронимы, потом формируется клан Комнинов, а затем уже в новых условиях – династия Палеологов (с адсорбцией других знатных линьяжей в единый правящий клан, с одной стороны, и закрытостью на определенный период в XIV в. государственной элиты, – с другой). В-третьих, спецификой византийского сознания своего тождества, когда носители того или иного этноса не

выделяли себя, а с другой стороны, не подчеркивалось и "эллинское" происхождение ромей. В-четвертых, необходимостью определить удельный вес семей иноземного происхождения в византийской государственной элите и его изменения. В-пятых, задачей очертить территориальное распространение иноземной по происхождению знати (ее владений, местонахождения, районов и сфер деятельности).

Накладываемые ограничения на верификацию результатов на данной стадии изучения проблемы самоочевидны. Это определяется и предварительным характером наблюдений, и неизбежностью погрешностей, ибо от одной идентификации часто зависит общая статистика. Кроме того, при сознании необходимости включения в сферу изучения проблемы места данной семьи в родной ей этнической среде (в армянской, итальянской, славянской, грузинской и т.п.) сейчас пока приходится ограничиться исследованием ситуации только в самой Византии. Имеет место и трудность различения иноплеменной по происхождению, но уже византийской (эллинизированной в большей или меньшей степени) знати, с одной стороны, и вассалов и союзников, выступавших на стороне Византии, но не инкорпорировавшихся в ее состав, – с другой.

При всех ограничениях и оговорках подобный анализ, произведенный во многом на базе данных Лексикона палеологовской просопографии, – дело реальное и продуктивное.

Вслед за завершившейся серией готовятся в путь новые, издаваемые тем же кругом ученых. Это – и словарь латинизмов, и свод грецизмов. Хочется пожелать новым проектам удачной судьбы, выпавшей на долю "Просопографического лексикона Палеологовского времени".

М.В. Бибииков

In Search of Byzantium. A Biography. The Life of Robert Pierpont Blake // Ed. by Igor Robert Blake. s.l., 1996. 244 p.

Эта практически "самодельная" книга, не отличающаяся полиграфическими достоинствами и изобилующая фактическими ошибками, читается с захватывающим интересом. Она представляет собой публикацию сыном мемуаров отца, одного из основателей Думабуртон Окса, византиниста и ориенталиста Р. Блейка.

Блейк родился в 1886 г., учился в Гарварде и Берлине, а в 1914 г., влюбившись в замужнюю русскую женщину, приехал за ней в Россию и поступил в магистратуру в Санкт-Петербурге. Большую часть своей последующей жизни Блейк прожил как обычный американский профессор, но с 1914 по 1920 г. судьба сделала его свидетелем

лем стольких потрясений, что хватило бы на много биографий. Историк-руси́сту, наверно, будет бесполезно прочесть мемуары Блейка ради множества острых этнографических наблюдений, но нас теперь интересует византиноведческая часть его воспоминаний. Блейк был аспирантом акад. Н.Я. Марра, но, кроме него, учился у многих крупных ученых. Книга содержит яркие зарисовки о П.К. Коковцове, Ф.Ф. Зелинском (с. 43), М.И. Ростовцеве (с. 43–44), В.Н. Бенешевиче (с. 44), А.А. Васильеве (с. 45), Ф.Г. Церетели (с. 46). Мемуарист оценивает их и как преподавателей, и как собеседников, не забывая упомянуть о степени материального благосостояния каждого. Вообще главной чертой характера Блейка представляется сочетание трезвого практицизма с отважным идеализмом. Глубокое впечатление производит описание академической жизни: “Всю зиму готовился к экзамену на приват-доцента по грузинскому и армянскому, а также писал диссертацию о грузинском переводе Мученичество св. Саввы...” (с. 85). Фраза кажется ничем не примечательной, но речь идет о зиме 1917–1918 гг.! Сейчас почти невозможно поверить, но в это время Блейк получил для работы фотокопии нужных ему рукописей, одну из Тифлиса, другую из Окс-

форда. Экзамен американского аспиранта был назначен на февраль, но тут рухнул германский фронт, и почти все иностранцы бежали из столицы. Однако Блейк остался. “Я решил, что немецкое наступление не захватит Петрограда, так как если они возьмут город, они должны будут его кормить... Мой прогноз оказался верен: немцы остановились в 40 милях. Экзамен был формальным и торжественным событием. Весь факультет восседал вокруг длинного стола, тогда как я стоял перед ним” (с. 85–86). Строгость описанного Блейком в подробностях экзамена поражает, особенно если учесть, что все участники церемонии чуть не падали от голода. Выдержав испытание с честью, американец летом 1918 г. отправился через страшную, разорванную гражданской войной Россию на юг, чтобы продолжить научные занятия в Грузии. Время до 1920 г. он провел в Тифлисе, женился на русской, оставил нам любопытные зарисовки академической жизни в этом оазисе, а потом счастливо эвакуировался с войсками Антанты. В СССР он возвращался еще раз в 1930 г., делал доклад о своих экспедициях на Афон и Синай – это заседание Палестинского общества оказалось последним¹.

С. Иванов

K r ü g e r D. Symeon the Holy Fool. Leontius' Life and the Late Antique City. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. 196 p.

Монография Д. Крюгера не является подробным исследованием творчества Леонтия Неапольского (эта задача достойно выполнена Винсаном Дерошем в его опубликованной недавно книге¹, которую Крюгер использовать не успел). Не концентрируется Крюгер и на юродстве как феномене. Хотя одна из глав и носит название “Юродство и тайные святые” (с. 57–71), она не претендует на то, чтобы собрать все известные случаи даже раннего юродства, а позднейшего не упоминает вовсе. Отношение автора к этой проблеме выражено в одном из примечаний: “Дискуссия о мотивах юродства ни к чему не приведет: малое количество примеров затрудняет обобщение” (с. 62, примеч. 11). Итак, для Крюгера существует лишь литературный

текст, его герой – Симеон Юродивый и проблема его литературных прототипов.

Традиционно считалось, что житие Симеона состоит из двух гетерогенных частей: риторизованной и насыщенной библейскими цитатами первой – противостоит вульгарная и динамичная вторая. Исследователи предполагали, что лишь первая часть принадлежит самому Леонтию Неапольскому, вторая же была им получена в виде уже готового текста и в лучшем случае слегка обработана. Крюгер берется опровергнуть эту точку зрения: он убежден, что стилистическая перебивка еще не свидетельствует о разном авторстве и что Житие задумано и написано исключительно Леонтием. По мнению исследователя, все детали городской жизни относятся не к Сирии VI в., а к Кипру VII в. (с. 9–22). Его ар-

¹ См.: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 143, 155.